

- ¹³ См.: Alexander J. The Meanings of Social Life: A Cultural Sociology. Oxford, 2003. P. 13.
¹⁴ См.: Alexander Jeffrey C. Cultural Trauma and Collective Identity. Berkeley, 2004. P. 10.
¹⁵ См.: Alexander J., Smith P. The Strong Program in Cultural Sociology. Elements of Structural Hermeneutics [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://ccs.research.yale.edu/about/strong-program> (дата обращения : 15.08.2013).
¹⁶ См.: Alexander J. The Meanings of Social Life: A Cultural Sociology. Oxford, 2000. P. 3–4.
¹⁷ См.: Alexander J., Smith P. Указ. соч.
¹⁸ См.: Alexander J. Указ. соч. P. 12–13.
¹⁹ См.: Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе // Социологические исследования. 2001. № 2. С. 3–12; Szto mpka P. The Trauma of Social Change: a case of postcommunist societies // Cultural Trauma and Collective Identity. Berkeley, 2004. P. 155–195.
²⁰ См.: Валлерстайн И. Модернизация: мир праху ее // Социология. 2008. № 2. С. 21–25.
²¹ См.: Inglehart R. Culture Shift in Advanced Industrial Society. Princeton, 1990.
²² См.: Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные ценности и демократия: Последовательность человеческого развития. М., 2011. С. 10.
²³ Там же. С. 71.
²⁴ Там же. С. 77.
²⁵ См.: Inglehart R. The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles in Advanced Industrial Society. Princeton, 1977; Inglehart R. Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies. Princeton, 1997; Inglehart R., Welzel C. Changing Mass Priorities: The Link between Modernization and Democracy // Perspectives on Politics. 2010. Vol. 8. № 2. P. 551–567.
²⁶ См.: Inglehart R., Welzel C. Modernization, Cultural Change and Democracy. New York, 2005. P. 14.
²⁷ См.: Инглхарт Р., Вельцель К. Указ. соч. С. 12.
²⁸ См.: Inglehart R., Welzel C. Указ. соч. P. 86–90.
²⁹ Ibid. P. 15.
³⁰ См.: Инглхарт Р., Вельцель К. Указ. соч. С. 59.
³¹ Там же. С. 16.
³² Там же. С. 39.

Поступила в редакцию 17.10.13.

УДК 316.343 – 057.2

В. Э. СМЕРНОВ,
КАНДИДАТ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК (МИНСК)

«НЕПОПУЛЯРНЫЙ КЛАСС» В СОВРЕМЕННОМ «ОБЩЕСТВЕ ЗНАНИЯ»

В статье предлагается новый взгляд на критерии классовообразования в современном обществе. В рамках марксистского подхода развивается положение о том, что в основе классовообразования лежит исторически конкретная система разделения труда, обосновываются ее особенности, заключающиеся в разделении и фактическом обособлении всеобщего, совместного, абстрактного и конкретного труда. Данный подход позволяет рассмотреть не только состояние и функции в обществе так называемого «непопулярного класса» (рабочих), но и процессы самоидентификации, классового самосознания и, соответственно, его социальной субъектности.

Ключевые слова: социальная структура общества, классы, разделение труда, содержание труда, рабочий класс, всеобщий труд, совместный труд, абстрактный труд, фактически абстрактный труд, самоидентификация, классовое самосознание, социальная субъектность.

A new view on criteria of class-making in a modern society is suggested in the article. In the framework of the Marxist approach the provision that a historically definite system of labour division serves the basic of class-making is developed. The system's particularities which are division and actual separation of general, joint, abstract and specific labour are given grounds for. The given approach helps to consider not only the state and functions of the so called «unpopular class» (working people) in the society, but the processes of self-identification, class consciousness and, consequently, its social subjectivity.

Key words: social structure of society, classes, division of labour, labour contents, working class, general labour, abstract labour, self-identification, class consciousness, social subjectivity.

Теории второй половины XX в., предсказывающие бурное развитие информационных технологий, торжество экономики знания, решительное ослабление роли индустриального труда, преобладание умственного, управленческого и обслуживающего труда, подтвердились лишь отчасти. Во всяком случае, историческая реализация

«общества знания» вызывает некоторое сомнение. Кризис индустриальной модели и соответствующего ей «трудового общества» очевиден. Поскольку новая социальная структура, возникшая в результате этого кризиса, вышеназванными теориями определена как прогрессивная, фокус внимания социологов направлен именно на ее новые элементы.

Чаще же всего акцентируется внимание на таких группах, как мелкие и средние предприниматели, менеджеры разного уровня, чиновничья бюрократия. Что касается традиционных классов (рабочих и крестьян), то их социальной судьбе в прогнозном плане уделяется незаслуженно мало внимания. В советский период в отечественной социологии сложилась прочная традиция изучения состояния рабочего класса и его места в социальной структуре общества, о чем свидетельствует многообразие имен и работ по данной теме, в частности Н. А. Аитова, Е. М. Бабосова, Т. И. Заславской, А. Г. Здравомыслова, Л. Н. Когана, С. А. Кугеля, Г. В. Осипова, М. Н. Руткевича, О. И. Шкаратана, В. А. Ядова и многих других. Интерес к судьбе рабочего класса поддерживался и в первые годы после распада СССР, до середины 1990-х гг., после чего работы, посвященные рабочему классу, стали появляться все реже. Среди работ этого времени можно отметить работы З. Т. Галенковой, М. К. Горшкова, Т. И. Заславской, Е. Д. Игитханян, В. В. Радаева, Р. В. Рывкиной, Г. Н. Соколовой, Н. Е. Тихоновой, О. И. Шкаратана. В них анализируются тенденции изменения места и роли рабочего класса и крестьян в современном обществе, количественного и качественного его состава. Однако остается неизученным вопрос не только о структуре и социальных функциях в современном обществе данных групп населения, но и о самоощущении, самоидентификации крестьян и рабочих, об осознании ими своего места в обществе, своей роли в нем в качестве социальных акторов. И, наконец, требует разъяснения проблема передового класса, способного выступить социальной силой общественного прогресса.

Происходящие в обществе социальные изменения требуют для своего осмысления новых подходов и методологических установок, а существующие представления о классовой структуре связаны либо с дальнейшим развитием марксистской парадигмы, либо с обоснованием вебериянской, либо вовсе с отказом от представления о классовом делении общества в пользу теорий стратификации, что, впрочем, есть следование именно вебериянской парадигме. Принципиальное отличие марксистского классового подхода от стратификационных теорий, во-первых, в том, что классы определяются через отношение, а не через градацию. Во-вторых, отношения, определяющие класс, анализируются с точки зрения социальной, а не технической организации экономических отношений. И, в-третьих, акцентируются социальные отношения, возникающие в процессе производства, а не обмена. Поэтому, по мнению Э. О. Райта, «в русле марксистских теорий классы могут быть кратко определены как общие позиции в рамках социальных производственных отношений (common positions within the social relations of production)»¹.

Вследствие этого марксистские теории классов при изучении сложного современного общества сталкиваются с проблемами, которые для стратификационных теорий, изучающих социальную структуру чисто феноменологически, не существуют. Для некоторых значительных социальных групп современного общества сложно найти строго определенное место в классовой структуре, ибо их социальная позиция неоднозначна (в отличие от традиционных пролетариев и буржуа). В «Манифесте Коммунистической партии» К. Маркс пишет: «Наша эпоха, эпоха буржуазии, отличается, однако, тем, что она упростила классовые противоречия: общество все более и более раскалывается на два большие враждебные лагеря, на два большие, стоящие друг против друга, класса – буржуазию и пролетариат»². То есть, по К. Марксу, всевозможные средние слои, лежащие между буржуазией и пролетариатом, с развитием капитализма должны пролетаризироваться и, в конечном счете, исчезнуть. Однако сегодня мы наблюдаем куда более сложную картину. Напротив, средний слой – группы людей, которые трудно отнести однозначно к пролетариям или капиталистам, стали существенной частью общества.

Эту проблему пытаются решить разными путями: либо относят средние слои, за исключением высокооплачиваемых менеджеров высшего ранга, к рабочему классу, либо определяют их как мелкую буржуазию, либо выделяют новый класс – класс «профессионалов и менеджеров».

Соответственно, и рабочий класс потерял свою определенность; под рабочими подразумевают и любых наемных работников, и наемных работников физического труда. Марксистский подход, делающий упор на социальные отношения в процессе

производства, на отношения собственности, испытывает трудности, связанные с тем, что отношения собственности, доминирующие в эпоху классического капитализма, в дальнейшем потеряли свою определенность. Революция менеджеров привела к разделению собственности и непосредственного управления, а сама фигура капиталиста скрылась за дроблением и разделением прав владения и распоряжения.

Одновременно теряет однозначную трактовку сам объект собственности и, соответственно, форма капитала, владение которым определяет классовую принадлежность, на что обратил внимание П. Бурдьё. Другой подход, феноменологический, который, например, разделяет Э. Гидденс, определяя рабочий класс как «синих воротничков... занятых физическим трудом»³, грешит тем, что целые категории рабочих, например, таких как складские учетчики, наладчики и представители различных видов квалифицированного рабочего труда, не учитываются в качестве рабочих. Впрочем, это трудно поставить в упрек Э. Гидденсу, поскольку у него дано исключительно инструментальное определение, не претендующее на концептуальность.

Однако, какими бы ни были недостатки феноменологического подхода, трудно не заметить, что в ситуации неоднозначности отношений собственности учет особенностей содержания труда рабочих приобретает новый смысл. Другое дело, что это не может быть простым феноменологическим описанием труда рабочих, как у Э. Гидденса. Труд современных рабочих нуждается в социологической экспликации его сущностных характеристик.

Наиболее эвристичным для этого, на мой взгляд, является использование марксовских понятий абстрактного, совместного и всеобщего труда, каждое из которых отражает различные аспекты человеческого труда в рамках общественного разделения труда. К. Маркс противопоставляет совместный труд всеобщему труду: «...следует различать всеобщий труд и совместный труд. Тот и другой играют в процессе производства свою роль, каждый из них переходит в другой, но между ними существует и различие. Всеобщим трудом является всякий научный труд, всякое открытие, всякое изобретение. Он обуславливается частью кооперацией современников, частью использованием труда предшественников. Совместный труд предполагает непосредственную кооперацию индивидуумов»⁴. Под совместным (совокупным) трудом К. Маркс подразумевает «простую кооперацию», труд людей на мануфактурах, фабриках, крупных индустриальных производствах. Этот труд только в своем пределе посредства обмена приобретает всеобщий характер. На уровне же труда индивидов – это частный (частичный) труд, и в этом смысле он противостоит всеобщему, творческому, неотчужденному труду, всеобщность которого проявляется лично и непосредственно.

В процессе развития и совершенствования производительных сил, углубления разделения труда частичный труд рабочих все более теряет конкретный характер. По сравнению с доиндустриальной стадией трудовая деятельность, которая касается смысла и цели производственной деятельности, например формы, качества, предназначения и других конкретных особенностей производимого товара, все более обособливается, отрывается от труда рабочих. Труд рабочих превращается фактически в абстрактный труд, т. е. в труд, который сводится лишь к затратам человеческой рабочей силы в физиологическом смысле.

Такой труд, который я называю «фактически абстрактным трудом», во времена К. Маркса мог проявляться лишь как тенденция, и только во второй половине XX в. он сделался наблюдаемым непосредственно. Итак, под фактически абстрактным трудом я имею в виду такое состояние разделения труда, когда реальный труд рабочих в индустриальном обществе утрачивает качественные особенности, сводясь лишь к затратам человеческой рабочей силы в физиологическом смысле, т. е. затратам мускульной, умственной и психической энергии человека. С прогрессом технологий роль квалификации, опыта, неявного знания стремится к нулю, а взаимозаменяемость рабочих становится абсолютной. Фактически абстрактный труд лишен всякого творчества и того, что в марксистской традиции определяется как всеобщее в труде. Сам К. Маркс пользовался понятием абстрактного труда как определенного рода абстракцией, рассуждал об абстрактном труде как о свойстве, грани трудового процесса, позволяющей обменивать продукты труда в соответствии с законом стоимости. Повторюсь, в его эпоху уровень развития технологий, или, если использовать марксистский язык, производительных сил, был недостаточен, чтобы превращение труда в фактически абстрактный стало заметным. Абстрактный труд Маркса – это категория, отражающая не предметный (технологический, вещественный), а общественный смысл труда. Это простейшее свойство всякой трудовой деятельности

расходовать жизненные силы в единицу времени, которое в виде субстанции и меры проявляется только в отношении людей как качественное (субстанция) и количественное (мера) основание стоимости. Понятие же фактически абстрактного труда есть понятие, описывающее процессы и тенденции, происходящие именно в технологической сфере. То, что можно назвать фактически абстрактным трудом, сделалось результатом дальнейшего углубления разделения труда и в своих очевидных формах проявилось только к концу XX в. Впрочем, определенные элементы фактического труда обозначены в марксовом понятии простого труда. Фактически абстрактный труд – это отчужденный, совершенно нетворческий труд рабочих масс, следствие самоотчуждения рабочим своей способности к труду и продажи этой способности. Такому труду противостоит труд общественный или, как его определяют чаще, всеобщий. Это труд ученого, изобретателя, труд творческий, труд неотчужденный, хотя продукты этого труда капитал пытается присваивать и тем самым отчуждать.

Труд как таковой имеет двойственный характер: труд есть «...с одной стороны, расходование человеческой рабочей силы в физиологическом смысле, и в этом своем качестве одинакового, или абстрактно человеческого, труд образует стоимость товаров. Всякий труд есть, с другой стороны, расходование человеческой рабочей силы в особой целесообразной форме, и в этом своем качестве конкретного полезного труда он создает потребительные стоимости»⁵. Товарное производство в своих развитых формах, и это особенно очевидно в индустриальном производстве, производит отчужденные продукты отчужденным трудом, т. е. продукты труда уже заранее самим процессом производства отчуждены от непосредственного производителя, который может даже не знать, каков будет конечный продукт, куда его труд включается лишь элементом. Он знает только свой маленький фрагмент монотонного труда. И тут не стоит замыкаться на вопросах собственности: пусть даже завод через акционирование принадлежит рабочим, ситуация от этого не меняется – фактически абстрактный труд и отчужденные продукты никуда не исчезают. Таково свойство этого уровня развития производительных сил и способа производства.

Качество труда рабочего, которое я определяю как фактически абстрактный труд, в своем явном, все более чистом виде проступает постепенно, с развитием технологий. Еще в начале и даже в середине XX в. доля неявных знаний, приобретаемых с опытом или путем неформальной передачи «учитель – ученик», была очень велика, и вычленишь сущность фактически абстрактного труда рабочего было еще сложно. Подобное положение связано с низким уровнем развития технологий. О количестве неформализованных, неалгоритмизированных операций в трудовом процессе говорит количество времени, необходимого для обучения работника средней квалификации. К мастеру приставляли ученика, который годы находился в таком качестве, перенимая навыки и умения мастера.

Постепенно, с совершенствованием технологий и орудий производства период ученичества сокращался, и сегодня в значительной части современных производств он отсутствует вовсе. Работника можно научить технологическим операциям формальными методами за несколько дней (как это происходит на предприятиях «Панасоник» в Китае). Именно такое положение вещей позволило в рамках современной экономической системы с легкостью переводить производства в страны, считающиеся ранее слаборазвитыми и не обладающими квалифицированными трудовыми ресурсами. Сегодня квалификация не нужна, а фактически абстрактный характер рабочего труда оказался очевиден в чистом виде.

Обращение современной социологической мысли к наследию К. Маркса (а это особенно проявилось на Западе), в частности к его анализу характера труда в эпоху капитализма, позволяет выявить глубокий потенциал многих его положений в плане объяснения и прогнозирования реалий в современном социуме. Хотелось бы обратить внимание на некоторые социальные последствия процессов в трудовой сфере и характере труда. Например, стала исчезать структурированность рабочих коллективов, и, таким образом, начали ослабляться и расшатываться сами коллективы как определенные системные целостности. Дело в том, что отношения «мастер – ученик» не просто коммуникативная связь двух работников, это целостная система взаимоотношений, пронизывающая весь рабочий коллектив. Мастера обладали реальным, высоким авторитетом, влияли на действия и поведение остальных рабочих предприятия. Они могли организовать коллектив на протест, забастовку. В кризис именно с мастерами приходилось договариваться администрации, так как ценность мастеров для производства была достаточно велика. Не отрицая важности профсоюзов, нужно заметить, что во многом именно наличие на производстве струк-

туры «мастера – средние рабочие – ученики» определило возможность консолидации рабочих от конкретного предприятия до класса в целом.

Интересно, что тенденции и закономерности, резко проявившиеся именно в современную эпоху, некоторые ученые предъявляли как доказательство неправоты К. Маркса. Суть в том, говорили критики, что все происходит не так, как предсказывал К. Маркс. Вместо пролетаризации, общего падения квалификации, упрощения труда происходят обратные явления: механизация и автоматизация трудовых операций требуют все больших знаний, лучшего образования, повышения квалификации рабочего, тем более что социологи на базе социологических исследований демонстрировали рост их образования. В разных формах такие идеи бытуют до сих пор: что-де современный рабочий, умеющий включать и выключать автоматическую линию, куда более образован и квалифицирован, чем рабочий начала XX в.

Однако еще в 1970-е гг. эти воззрения опроверг социолог Гарри Брейверман⁶. Он показал, что все статистические и социологические расчеты, демонстрирующие общий рост образования и квалификации рабочих – не более чем статистический кунштук. Согласно принятой классификации городские профессии безотносительно к содержанию труда почти всегда зачисляются в профессии, требующие высокой или средней квалификации, а сельские – низкой. Движение населения из сельских районов в городские, последний всплеск которого пришелся на 1950–60-е гг. (в СССР на 5–10 лет позже), симулирует картину общего роста образования и квалификации трудящихся. Но главное в «тезисах Брейвермана» даже не это. Во-первых, он показал, что к 1970-м гг. повсеместно распространившееся среднее образование потеряло связь с квалификацией, а во-вторых, и это особенно важно для наших рассуждений, что квалификация рабочих вовсе не растет, а падает. Этот тезис Брейверман обосновал разными способами, в том числе и тем, сколько нужно времени на обучение рабочего, чтобы стать мастером своего дела в разные эпохи. Если в начале XX в. в ряде отраслей рабочий должен был практически годы отработать в качестве ученика, постепенно перенимая профессиональные навыки у мастера, то в конце XX и тем более в начале XXI в. необходимое обучение сократилось до нескольких недель, а то и дней (сегодня на заводах «Тойота» в Китае из вчерашнего крестьянина готовят полноценного оператора автоматической линии за три недели, что уже воспринимается за нечто необычное, длительное). Даже рабочий простого конвейерного производства во времена Ф. У. Тейлора и Г. Форда обучался куда дольше, чем сегодня, а современную рабочую аристократию, например программистов-наладчиков, готовят год – что вызывает просто благоговение. Количество навыков, необходимых для трудового мастерства, не выросло, а уменьшилось. Это связано с совершенствованием технологий производства и уменьшением элементов «неявного знания» в трудовой деятельности. Так что К. Маркс был совершенно прав, предсказывая общее снижение квалификации как элемент пролетаризации.

Уменьшение доли неявного знания, уничтожение мастерства в трудовой деятельности рабочего лишило труд рабочих последних элементов творчества. Сегодня трудно понять, насколько значительная доля реального творчества вкладывалась рабочими в трудовую деятельность до описываемой революции в сфере механизации и автоматизации. Каждый переход на изготовление новой продукции, например нового типа деталей, требовал от рабочих громадного числа микроизобретений. В исследовании В. А. Ядова в том месте, где речь шла о солидарности рабочих, попутно можно прочесть, что у каждого мастера в цеху исследуемого предприятия был собственный набор самостоятельно изобретенных и нигде технологически не записанных приемов, позволявших ему добиваться высочайшего качества. Эти знания передавались только лично, постоянно изобретались новые. Человек (в исследовании рассматривался конкретный пример с учеником), который пытался сделать деталь строго по инженерному описанию, да еще и эффективнее, без «лишней» сложности, в результате изготавливал брак⁷. А с совершенствованием технологий, механизацией и автоматизацией такие особенности творческого рабочего труда уходили в прошлое.

Но такое, безусловно прогрессивное, развитие существенным образом сказалось на социальном самочувствии рабочих и социальных отношениях внутри рабочей среды. Исчезает самоуважение, и с тем – удовольствие от своего труда. Мастер прошлой эпохи реально ощущал себя рабочей косточкой, если и индустриальным винтиком, то винтиком незаменимым. Он справедливо представлял, что он тот человек, на котором держится завод или фабрика. И в этом смысле он был значителен и более уважаем, чем многие инженеры и работники администрации. В формальных и неформальных коллективах на работе он пользовался заслуженным авторитетом,

а само наличие таких мастеров, их учеников и средних рабочих структурировало и институционализировало рабочую среду, создавая в конечном счете рабочий «класс для себя». То есть несколько таких мастеров могли устроить забастовку на громадном предприятии, могли своей способностью к организации общественного мнения воздействовать на лентяев и бракоделов из рабочей среды и, более того, на административную и инженерный слой предприятия. Разговор о рабочем контроле (в России) и рабочем участии на предприятиях (что бытовало и в капиталистических странах с утверждением фордизма) был не формой извращенного политиканства современных профсоюзов, а вполне внятным и полезным делом.

С уходом мастерства из трудовой сферы все это исчезало. Рабочие становятся взаимозаменяемыми винтиками большого механизма. Быстрое обучение элементарным операциям, менее осмысленный труд – все это, плюс существенные изменения в массовой культуре, сказалось на самоощущении рабочих. Они потеряли самоуважение, и общество перестало их уважать. Рабочие потеряли и в способности к самоорганизации, ибо исчезла сложная структура трудового коллектива, о которой писалось выше. Все это привело и к тому, что рабочий класс как класс для себя довольно быстро разлагался, а марксистские взгляды теряли популярность. Очень сложно рассуждать о пролетариате как передовом классе тогда, когда сами рабочие перестали уважать свой труд и свою принадлежность к этому самому классу, т. е. перестали идентифицировать себя в качестве передового класса.

Если говорить более общими категориями, в трудовой деятельности рабочих нарастало отчуждение. В советской философии и социологии, к превеликому сожалению, на отчуждение труда смотрели однобоко, концентрируясь на отчуждении продуктов труда. Из чего делался вывод, что, если в СССР продукты труда не присваивает капиталист, а они попадают в общественные фонды потребления, отчуждения труда при социализме нет. Уже это рассуждение некорректно, но, кроме того, в труде есть и более значимые формы отчуждения, кроме отчуждения продуктов труда.

Приведу четыре формы отчуждения труда, сформулированные Р. Блонером.

Во-первых, как отмечалось выше, личное мастерство, мысль, особые навыки стали не нужны – вместо этого человек стал в полной мере придатком (ситуация, предсказанная К. Марксом) к «почти разумной машине». Машина определяет направленность труда, ее ритм и даже субъективно, для рабочего, его смысл. Человек стал испытывать по отношению к машинам чувство *беспомощности*. Во-вторых, отчуждение от продуктов и средств труда (на чем концентрировались социологи в СССР в понимании проблемы отчуждения) – это форма отчуждения, названная Р. Блонером *изоляция*. В-третьих, человек теряет контроль над своим трудом. Если раньше труд рабочего, особенно квалифицированного рабочего, не мог быть в полной мере описан в виде технологической схемы, да и организация рабочего процесса была делом рабочего коллектива и конкретного рабочего, а не только администрации, то теперь труд становится чисто инструментальной деятельностью, полностью регламентированной внешними по отношению к рабочему технологическими инстанциями, что Р. Блонер определил как *самоотчуждение*. В-четвертых, рационализация и фрагментация труда привели к тому, что рабочий выполняет одну или несколько операций, не видя целого, не понимая смысла труда. Эти процессы убрали из труда рабочего необходимость принимать какие-либо решения и нести за эти решения ответственность. Все это привело к *бессмысленности* труда.

Итак, мы пришли к тому, что в индустриальных обществах: и в СССР, и на Западе – в сфере труда нарастало отчуждение, именно это стало главной причиной «смерти трудовой этики». Кстати, говоря о рабочих, нужно иметь в виду, что в сфере управления производством, канцелярской и бюрократической деятельности происходило то же самое: «Современный офис с его сегментированным и авторитарным трудом является видом фабрики... Работа оператора ЭВМ или машинистки имеет все больше общего с работой на автомобильном конвейере. Секретари, клерки и бюрократы все больше хотят быть охваченными программами гуманизации труда. Раньше служащих было меньше и их статус был выше. Но сейчас клерки, а не рабочие конвейера являются типичными представителями современных американских рабочих. Этот факт мало способствует поднятию их престижа»⁸. Согласно данным социологических исследований, уровень неудовлетворенности этих категорий своей работой не уступал, а даже превосходил в ряде случаев уровень неудовлетворенности рабочих на конвейере. Таким образом, проблемы с мотивацией трудящихся к 1980-м гг. обострились не только в СССР, но и на Западе, и в этом смысле не были монополией исключительно советской системы.

Как же западное и советское общество разрешили эту проблему? К сожалению, никак. Попыток было много, в том числе и распиаренная сетевая система производства, которая оказалась на деле лишь новой «соковыжималкой»⁹ для работающих, с еще более высокой степенью отчуждения¹⁰. Так что индустриальное общество «разбилось» о проблему отчуждения труда вместе с индустриальной эпохой как таковой. Применительно к Западу еще вчера это было незаметно и только сегодня тенденции стали прозрачны; смерть Запада оказалась лишь растянутой во времени. Смерть же советского общества произошла у нас на глазах. И западное и советское общество архаизировали свою сферу труда, не преодолели кризис, а отступили назад, правда, сделали это по-разному.

Запад попросту вывез промышленность в третий мир, перенаправив массы своих трудящихся в сферу услуг (а в этой сфере по самой специфике отчуждение труда куда ниже). Ну а советские рабочие и клерки с удовольствием бросились челночить в Турцию или Польшу или в другие подобные виды деятельности. И их удовольствие понятно и объяснимо. Потому что торговаться на турецких базарах или польских оптовых рынках есть труд куда менее отчужденный, чем на индустриальном производстве, давая более реальное удовлетворение человеку, регламентированному ранее простыми, но жесткими технологическими правилами. Очевидны оценки такого труда с точки зрения беспомощности, изоляции, самоотчуждения и бессмысленности труда. И именно поэтому массы людей вовсе не стремятся возвращаться в СССР, хотя и ностальгируют по нему. Конечно, польские и турецкие рынки уже прошлое, так как им пришли на смену более организованные формы всевозможной мелкокоммерческой финансово-обменной деятельности.

Ситуация с рабочим классом осложняется изменениями в массовой культуре. Сама массовая культура в глобальном масштабе производится главным образом в США. Во всяком случае именно ими задаются ориентиры, на основе которых уже в национальных масштабах организуется местное культурное производство. Но так как само американское общество с точки зрения отношения к труду есть очень проблемное общество, то и в сфере культурного производства эти проблемы закрепляются и навязываются всему миру. Пропагандой априорной благости «экономики услуг», специфических для этой сферы форм труда и потребления, а ныне и еще более странного порождения – экономики «креативного» класса – массовая культура закрепляет и институционализирует низкий статус индустриального труда не только в реальном производстве, но и в общественном сознании. Все это еще больше обостряет те тенденции в обществе, о которых писалось выше.

В рамках предложенного подхода очевидны основания для определения и противоположного рабочему классу (пролетариату) класса буржуазии. В контексте разделения труда фактически абстрактный труд предполагает деятельность и по организации этого труда, и приданию ему общественного характера. Эта деятельность и определяет основную функцию буржуазного класса. В советском обществе, если это и не был класс в полном смысле слова, в данном случае он выступал как достаточно консолидированный слой, четко отличающийся от других классов / слоев по месту в разделении труда. Владение собственностью или всего лишь право распоряжения ей, как в СССР, есть не более чем формы и способы, с помощью которых класс – организатор массового, фактически абстрактного труда – выполняет свои задачи. Наличие и господство в обществе фактически абстрактного труда предполагает и наличие класса / слоя организатора этого труда. Пока индустриальное производство и, соответственно, фактически абстрактный труд господствовали в общественном производстве, в социуме преобладала классовая структура, в основе которой лежало разделение на буржуазию и пролетариат. Верно и обратное. Превращение индустриального, фактически абстрактного труда во второстепенный момент производства предполагает и разрушение социальной системы, построенной на единстве и противостоянии основных классов: пролетариата и буржуазии.

Таким образом, можно сделать вывод, что превращение рабочего класса в «непопулярный класс» связано как с конкретно-историческими событиями развала СССР, идеология которого признавала за рабочим классом ведущую общественную роль, так и с объективными тенденциями развития производительных сил общества и углублением разделения труда. Резкий рост неудовлетворенности своим трудом в рабочей среде, связанный с обострением проблемы отчуждения в процессе трудовой деятельности, явился следствием очищения фактически абстрактного труда рабочих от всяких элементов неформализованных навыков, неявного знания, мастерства и т. д. Превращение рабочего труда в совокупность полностью алгоритмизированных операций

сделали такой труд фактически абстрактным трудом в отличие от просто абстрактного труда – марксистской категории, обозначавший определенную грань, свойство труда, лежащее в основе товарного обмена. Выделение фактически абстрактного труда стало следствием углубления разделения труда и в этом смысле выступило как высший и последний этап трудового общества, если понимать под трудом марксистские категории несвободного труда (Arbeit), а не деятельности (Tätigkeit)¹¹.

В результате вышеописанной эволюции произошли кардинальные изменения в рабочей среде. Ослабла или полностью исчезла внутренняя иерархическая структура рабочих общностей на предприятиях, базирующаяся на отношениях «мастер – ученик», «мастер – рабочий среднего/низшего разряда», «рабочий коллектив – отдельный рабочий», и, как следствие, снизилась способность к самосознанию и самоорганизации в рамках рабочих коллективов и рабочего класса в целом. На первый план вышли индивидуализированные отношения «рабочий – администрация».

Ослабление или исчезновение способности к самосознанию и самоорганизации вызвало такое явление, как потеря рабочими профессионально-классового самоуважения. Дело в том, что исчезла или как минимум серьезно «поблекла» та значимая группа, в рамках которой можно было обладать сравнительно высоким/низким статусом (мастер по сравнению с рабочим низкого и среднего разряда), а поскольку эта группа исчезла, снизилась и возможность самоидентификации через групповой статус. И это в условиях, когда идеологическая система, утверждавшая высокий групповой статус рабочего класса (в качестве прогрессивного, передового класса), а именно марксизм (хотя практически все идеологии индустриальной эпохи утверждали высокий статус рабочего класса), потерпела временное поражение. Впрочем, трудно сказать, что здесь первично.

Можно сказать, что рабочий, который ранее мог идентифицировать себя как человек, обладающий определенным статусом внутри группы (и добиваться в ней повышения статуса) и принадлежащий к сравнительно высокостатусной в рамках социума социальной группе, сегодня оказался на низшей ступеньке социальной лестницы во всех смыслах. Отсюда рост неудовлетворенности своим социальным положением и своими жизненными шансами, отсутствие желания существовать в рамках рабочей идентичности, отказ молодежи связывать судьбу с рабочей профессией, наличие огромного количества свободных рабочих вакансий на рынке труда, высокая горизонтальная мобильность в рабочей среде и многое другое, свидетельствующее о серьезных социальных сдвигах в социальной структуре белорусского общества.

Анализ социальных изменений в обществе показывает, что переход к постсовременности в технологиях, культуре и идеологии привел не только к изменению экономического уклада, но и к трансформации социальной структуры общества. Появляются классы или группы людей, завоевывающие место в социальной структуре общества, в то время как старые классы, ранее наиболее важные и значимые, теряют свои позиции, свою идентичность и социальную определенность.

И тем не менее остается проблематичным вопрос: какое будущее ожидает рабочий класс? Если говорить об исторической перспективе, то логика исторического процесса, развитие производительных сил, дальнейшая технологизация производственных процессов могут привести к полной автоматизации и роботизации производства. Ведь труд, лишенный всяких элементов неявного знания, труд, который можно в полной мере алгоритмизировать, есть труд, уже готовый к своей ликвидации, к замене рабочего на автомат. Единственное, что сегодня сдерживает этот процесс, – это экономические факторы, благодаря которым рабочие стран третьего мира зачастую стоят существенно дешевле, чем роботы. Эти факторы действуют в рамках господствующей в настоящее время социально-экономической системы, кризисное состояние которой сегодня более чем очевидно, и прогнозы об исторически скором ее падении из уст таких мэтров, как И. Веллерстайн, Н. Хомски, П. Друкер, Л. Саммерс, сделались общим местом. Так что в глобальной перспективе можно говорить о конце тысячелетней эпохи господства абстрактного труда в общественном производстве и рождении нового общества, основанного на всеобщем труде. Однако описывать черты и социальную структуру такого общества, на мой взгляд, дело футурологов.

Какие бы ни были прогнозы, сегодня рабочий класс существует и его состояние и ближайшие перспективы прямо связаны с возможностями нашего общества в условиях глобальной конкуренции. Поэтому перед белорусским обществом и социологией стоит задача не только изучить и эмпирически обосновать место рабочего класса в социальной структуре, но и найти способы повышения его социального статуса и самочувствия в современном обществе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- ¹ Райт Э. О. Марксистские концепции классовой структуры // СКЕПСИС [Электронный ресурс]. Режим доступа : http://scep sis.ru/library/id_608.html (дата обращения : 15.10.2012).
- ² Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Сочинения. 2-е изд. М., 1955. Т. 4. С. 425.
- ³ Гидденс Э. Социология. М., 1999. С. 161.
- ⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Капитал // Сочинения. 2-е изд. М., 1961. Т. 25. Ч. 1. С. 116.
- ⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Капитал // Сочинения. 2-е изд. М., 1960. Т. 23. С. 56.
- ⁶ См.: Braverman H. Labor and Monopoly Capital: The Degradation of Work in the Twentieth Century. New York, 1974.
- ⁷ См.: Ядов В. А., Здравомыслов А. Г. Человек и его работа в СССР и после : учеб. пособие для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М., 2003.
- ⁸ Полякова Н. Л. От трудового общества к информационному: западная социология об изменении социальной роли труда. М., 1990. С. 97.
- ⁹ Рот Карл-Хайнс. Глобализация: новые классовые отношения и перспективы левых // Либертарная библиотека [Электронный ресурс]. Режим доступа : http://avtonom.org/old/lib/theory/rot_globalisation.html?q=lib/theory/rot_globalisation.html (дата обращения : 16.07.2013).
- ¹⁰ См.: Горц А. Знание, стоимость и капитал. К критике экономики знаний / пер. М. Сокольской / Логос. –2007. – № 4.
- ¹¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1960. Т. 23. С. 188–189.

Поступила в редакцию 22.09.13.

УДК 338.984

Г. П. КОРШУНОВ,
КАНДИДАТ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК (МИНСК)

ФОРСАЙТ-ИССЛЕДОВАНИЯ – МЕТОДОЛОГИЯ АКТИВНОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ

В статье осуществляется критический анализ методологической базы технологического форсайта. Результатом этого анализа становится операциональное различие исследовательских инструментов по четырем уровням. Итогом подобного рассмотрения методов форсайта становится описание перспектив использования активного прогнозирования в актуальных условиях.

Ключевые слова: будущее, прогноз, планирование, методика, методология, форсайт.

A methodological basis of technological foresight is given a critical analysis that results in operational distinction of research instruments along four levels. The given considering of the foresight methods results in the description of the perspectives of active forecasting application in actual conditions.

Key words: future, forecast, planning, set of methods, methodology, foresight.

Контроль, регулирование и управление процессами функционирования и развития различных общественных подсистем – одна из важнейших задач любого государства. В современных условиях взрывного распространения качественно новых технологий, минимизации сроков прохождения «от научного открытия до массового продукта» и жесткой межгосударственной конкуренции в передовых научно-технологических отраслях вопрос определения национальных перспектив и приоритетов развития приобретает принципиальное значение.

Любое государство осуществляет политику планирования будущего. В советское время действовала «Комплексная программа научно-технического прогресса и его социально-экономических последствий», разработанная в 1972 г. под эгидой Госплана, Госстроя и АН СССР и просуществовавшая до 1990 г. Это пример традиционно индикативного планирования, суть которого – пролонгирование в будущее тенденций развития общественных подсистем. Однако это не единственный вариант прогнозирования будущего. С конца XX в. во многих странах мира развивается своеобразная альтернатива-надстройка для индикативного планирования – методология технологического форсайта¹.

Технологический форсайт – это связанный с перманентным мониторингом долгосрочных перспектив научно-технической и социально-экономической сфер общества